

Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров,
1942-1944. М, 1998. 199 с.

Небольшая книжка, подготовленная к печати Б.Е. Чистовой и К.В. Чистовым и изданная научно-просветительским центром "Мемориал", представляет собой ценный источник для историко-культурного исследования эпохи второй мировой войны. Интересна история появления этой книги. В 1991 г. при ремонте здания фольклорного центра "Немецкий архив народной песни" во Фрейбурге среди ненужных бумаг была обнаружена картонная коробка, в которой, как выяснилось, с 1944 г. хранилась не зарегистрированная коллекция более чем 1300 карточек с выписками из посланных из Германии, Финляндии, Норвегии, Франции и из лагерей на оккупированных территориях Советского Союза писем так называемых остарбайтеров - тех, кто был угнан в Германию из западных областей СССР. Эти выписки составил и собрал в 1942-1944 гг. немецкий цензор, работавший в одной из цензурных групп при военной администрации, в конце 1944 г. переподчиненных гестапо.

Составитель "фрейбургской коллекции" был, несомненно, ученым, немецким славистом, знавшим и русский, и украинский, и белорусский языки, в какой-то мере и польский. Автор большой вступительной статьи, известный фольклорист К. Чистов предполагает, исходя из состава, характера и качества выписок, что за его плечами была более или менее длительная практика общения с населением западно-украинских и западно-русских областей, а может быть, это был немец, либо родившийся в России, либо какое-то время живший в нашей стране. Он, несомненно, ориентировался в проблемах фольклористики и этнографии, о чем свидетельствуют подбор материалов и методы его работы с собранными им карточками. Не менее важно и то, что составитель коллекции был, по всей видимости, человеком незаурядным. Как пишет К. Чистов, неизвестный цензор увидел в массе остарбайтеров не стадо рабов, которых, казалось бы, те унижения, которым они подвергались ежеминутно, должны были обезличить и раздавить, но интересный для углубленного изучения человеческий мир, имеющий свои традиции, поэзию, свою культуру (С. 12). Совершенно очевидно, что работу с карточками неизвестный цензор вел не по предписанию начальства, которое, конечно же, не требовало от подчиненных больше, чем обобщенных сведений о настроениях невольников, и уж никак не могло ожидать представления текстов на украинском, белорусском и русском языках.

Пометы на карточках свидетельствуют о том, что работа над коллекцией была прекращена осенью 1944 г.; тогда же она была отослана одному из крупнейших немецких фольклористов Дж. Майеру во Фрейбургский архив, весьма авторитетный германский фольклорно-этнографический центр. Сохранилось сопроводительное письмо из Берлина (подпись неразборчива, и установить, принадлежала она какому-то чиновнику гестапо или составителю коллекции, не удастся) и ответ проф. Майера, который благодарит за посылку и пишет, что после

окончания войны можно будет использовать присланный материал в научных целях, проанализировать его и показать, что "устоявшиеся поэтические образы и формулы служат заменой там, где народ из известного опасения не хочет прямо выразить свои чувства и ощущения".

В последующие месяцы, когда завершился разгром Германии и Фрейбург был оккупирован французскими войсками, Дж. Майеру, вероятно, было не до упомянутой коллекции. В 1952 г. он, по-видимому единственный, кто знал о ее существовании, скончался, и картонная коробка была забыта. Ее обнаружили лишь 40 лет спустя.

К.В. Чистов и Б.Е. Чистова уже опубликовали небольшую статью о "фрейбургской коллекции" (Преодоление рабства. Фольклор и язык "восточных рабочих" // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994. С. 138-149). Теперь они предлагают читателю публикацию этой уникальной находки, подвергнутой ими необходимой первоначальной обработке, открывающуюся кратким эмоциональным предисловием Д. Гранина и большой вступительной статьей К.В. Чистова. "Внешняя" история остарбайтеров, указывает он, - история их депортации, размещения в Германии, ужасающие условия их жизни и труда, статистика жертв, движение сопротивления - освещены в работах немецких и российских ученых; вышло в свет множество мемуарных и исследовательских книг и статей по этой тематике (немалую роль сыграло то, что начиная с 1989 г. происходит собирание писем бывших остарбайтеров и писем о них; во многих письмах находят документы, фотографии, подробные описания). Фольклор остарбайтеров был замечен русскими, украинскими и белорусскими фольклористами, которые еще во время войны и особенно после нее занимались собиранием и обработкой фронтového, партизанского фольклора, фольклора оккупированных областей. Замечен он был и гитлеровскими властями. Руководство нацистской партии усматривало в нем опасность воздействия на немецкое население, общавшееся с иностранными рабочими, угрозу расовой чистоте немецкой культуры. Еще в октябре 1941 г. было распространено распоряжение канцелярии Гитлера, в котором предлагалось активизировать деятельность учителей, чтобы свести до минимума воздействие фольклора чужестранцев, находящего "нежелательный отклик" в немецких деревнях (С. 48).

В годы войны, когда миллионы людей оказались вырванными из привычной среды, и обычные средства массовой коммуникации в виде газет, книг, радио, кино, театра были им недоступны, образовалась огромная по масштабам устная среда, выявились средства и структура устной коммуникации, ее стереотипы, сформировался определенный этап развития бытовой культуры, зафиксированный и в фольклоре иностранных рабочих, в частности остарбайтеров, о котором идет речь в данной книге. Подчеркивая, что начавшееся довольно давно полномасштабное изучение фольклора эпохи второй мировой войны еще далеко от завершения, К. Чистов пишет, что цель рассматриваемого издания - "показать интерес и ценность вновь обнаруженного источника, привлечь к нему внимание читателей и исследователей" (С. 41). В дей-

ствительности публикация, осуществленная им, известным фольклористом и участником войны, побывавшим в немецком плену, выходит за рамки такой скромной задачи. Во-первых, внимательно проанализировав состав коллекции и методы работы над ней неизвестного составителя, выступавшего скорее в роли собирателя, чем исследователя; публикаторы усовершенствовали систему классификации карточек, сделали ее детальнее и представили коллекцию в более четком и определенном виде. К примеру, в большом и не дифференцированном разделе "Лексика", в который цензор-составитель включил в алфавитном порядке все слова, показавшиеся ему интересными, публикаторы выделили представившийся им особенно существенным раздел "Эвфемизмы"; сюда вошли слова, особенно важные для авторов писем ввиду условий их жизни и условий переписки. Во-вторых, коллекция не только описана, но и проанализирована К. Чистовым.

Наиболее отчетливо были выделены составителем коллекции разделы "Пересказы снов и пророчеств" и "Круговые письма и молитвы", которые, по мнению К. Чистова, очевидно, оказали решающее влияние на формирование коллекции немецким ученым. То, что он перевел и записал их на немецком языке или пересказал по-немецки, свидетельствует о его особом интересе к такого рода текстам (все они в данном издании подвергнуты обратному переводу на русский язык). Действительно, эти тексты, по мнению публикаторов, более всего выражают - хотя и косвенным образом - эмоциональное состояние остарбайтеров, находящихся в тяжелейших условиях вдали от родного дома. Тексты и того и другого разделов тесно связаны с устной и письменной сферами традиционной народной словесности. К. Чистов констатирует, что в них содержится множество традиционных фольклорных мотивов, известных по средневековой письменности или по текстам русских причитаний. Описания снов позволяют судить о настроениях остарбайтеров и их изменении в зависимости от этапов войны, с наступлением перелома в ходе военных действий в 1944 г. и приближением окончания войны. Эти описания полны предчувствием освобождения, надежды на возвращение домой, однако оптимистические сюжеты окрашены трагически - например, по дороге домой нужно вскарабкаться на гору, но это никак не удастся. Даже если суждено добраться в родные места, самое страшное все равно происходит.

Значительный интерес представляют так называемые круговые письма; это самая значительная из известных коллекций русских "круговых писем" (писем, которые отправляются для того, чтобы быть разосланными дальше в определенном количестве; им приписывают некое воздействие на жизнь того, кто станет или не станет распространять их тексты). Все "круговые письма" во фрейбургской коллекции относятся к 1944 г., и это не случайно. Появление "круговых писем" всегда связано с моментами тех или иных социальных кризисов. Таковым можно считать первые месяцы 1944 г., когда советские войска уже приближались к границам Германии, появилась надежда на освобождение,

но война продолжалась, и надежда то и дело сменялась отчаянием. Почти все пророчества, занесенные на карточки составителем, подобно "круговым письмам", тоже связаны с надеждами на окончание войны. Этой части коллекции К. Чистов уделяет особое внимание, касаясь истории "круговых писем" в европейских странах и историографии вопроса, подробно анализируя "круговые письма" фрейбургской коллекции.

Особенно интересен раздел вступительной статьи, посвященный эвфемизмам в письмах остарбайтеров и "перетекстовкам" популярных песен (например, песни "Раскинулось море широко"); об этих последних К. Чистов, ссылаясь на собственный опыт пребывания в немецком плену, говорит, что пение перетекстовок на известные мотивы было одним из наиболее безопасных способов высказаться. Их использовали и остарбайтеры в своих письмах. Анализируя эвфемизмы в рассматриваемых текстах, их разновидности, смысл, характер, словообразовательные тенденции в создании эвфемизмов, автор вводной статьи подчеркивает, что их употребление было для узников из СССР традиционным, привычным делом: гражданская война, коллективизация, репрессии, начавшиеся в конце 20-х годов и усилившиеся в 30-х, приучили многих к осторожности, научили обходить цензуру, сформировали некоторые приемы применения эвфемизмов. Эвфемизмы, сгруппированные по содержанию и смыслу и расшифрованные публикаторами (например, посещение партизан - "зайцы нападают на капусту" или возвращение своих частей - "приближается зарево с востока"), показывают, что с их помощью можно было сообщить домой или товарищам в другой лагерь самые разнообразные сведения о себе и о происходящих вокруг событиях. Отметим попутно, что, как это ни странно, узники довольно часто сообщали и почти прямую информацию об условиях своей жизни, скрывтую не эвфемизмами, но формой изложения. Например, в письме в Дрогичин, Кобрин (Украина) есть такие строки: "Я живу в этом длинном бараке, / Где кончается чорний забор./ Я живу в нужде и печали / И работать иду на завод... Там живут самые худшие люди, / И жестокие сердца у них, / Заставляют работать до ночи, / А кормить нет продуктов у них". Или, например, частушки в письмах: "Ляжу спать на кровать / І накриюсь з головою, / А та оврушина хл!ба, що осталась, / Ні дає спокою"; "Надоили мне бараки, / Надоша мне бвда, / А ще гірше на-дшла / Із травого баланда" (С. 115).

Отметим также, что большинство выписок из писем остарбайтеров - это стихотворные тексты, а среди них - не только "перетекстовки" популярных песен, альбомные стихи, строчки из известных жестоких романсов, но и собственное творчество. Есть даже сочиненная неизвестной узницей и пересланная из одного лагеря в другой стихотворная поэма "Згадка про Украшу" (С. 151-154).

Интересна в статье К. Чистова та часть, которая посвящена анализу начальных и заключительных словесных формул в письмах, имеющих свою историю в русской культуре, восходящую к традиции писания писем по заказу и по образцам. Собранные в коллекции формулы ста-

нут важным источником для исследования мало изученных восточнославянских почтовых стереотипов, дополняющих словесные стереотипы сказок, песен, причитаний.

Любопытно приведенное автором объяснение применения почтовых формул, данное австрийским военным цензором эпохи первой мировой войны Ф.К. Вебером, просматривавшим письма иностранных рабочих из славянских областей Австро-Венгрии и опубликовавшим в 1956 г. статью, в которой он привел примеры начальных формул из писем этих рабочих (ситуация тут была, разумеется, иной - иностранные рабочие сами отправлялись сюда на заработки и жили в относительно благополучных условиях). Вебер полагает, что применение этих формул помогало необразованному человеку преодолеть психологическую трудность, связанную с задачей написать письмо и в особенности его начать. Автор вводной статьи подробно анализирует почтовые формулы в письмах остарбайтеров, устанавливает их происхождение, соотношение с существовавшими ранее вариантами, выделяет приметы времени и то новое, что было связано с условиями жизни авторов писем.

Пословицы, поговорки, частушки, причитания составили сравнительно небольшую часть фрейбургской коллекции, но они, как, впрочем, и другие материалы, дают возможность почувствовать настроения невольников.

Большую часть книги занимают публикуемые материалы фрейбургской коллекции. Они расположены в составе следующих разделов: почтовые стереотипы (публикаторы распределили их в разделы в зависимости от повторяющегося мотива, например, "лети, листок, с запада на восток" или "ветер дует, повевае") надписи на фотокарточках, альбомные стихи в роли почтовых стереотипов, частушки в роли почтовых стереотипов, тексты из народных песен и жестоких романсов, перетекстовки популярных песен, собственные стихи, мотивы из причитаний, пересказы снов и пророчества, "круговые письма" и молитвы, народная медицина, поговорки, пословицы, эвфемизмы в условиях военной цензуры. Приложен также перечень эвфемизмов, собранных в коллекции, и некоторые лексические наблюдения собирателя коллекции: новые для него украинские и белорусские слова, неологизмы, рожденные войной, блатной жаргон, внеписьменное усвоение немецкой лексики и слов из других языков с элементами народной этимологии.

Публикаторы снабдили тексты, где это было возможно, указанием места, куда и откуда было послано письмо (авторы писем не указывались составителем коллекции), и перевели на русский язык некоторые тексты, написанные на польском. В предисловии оговаривается, что это лишь самый необходимый первоначальный комментарий, который при углубленном научном исследовании представленного в книге фольклора остарбайтеров, разумеется, будет дополнен подробным специальным комментарием.

Тексты, составляющие фрейбургскую коллекцию, важны и ценны прежде всего, конечно, для фольклористов и этнологов. Вместе с тем

их публикация и анализ, сделанный К. Чистовым, показывают, сколь важны этнологические материалы для истории культуры. Ознакомившись с предложенным фольклористом источником, историк приходит к выводу, что для тех советских людей, которые прошли гражданскую войну, голодомор на Украине, являлись свидетелями репрессий, но были воспитаны в духе коммунистических идей и преданности Советской власти, в момент тяжелейших испытаний опорой и средством преодоления трудностей внешнего и внутреннего порядка, средством сохранить свой внутренний мир и выразить свои душевные порывы да и просто сохранить связь с близкими и с собственным прошлым служили прежде всего стереотипы традиционной фольклорной и религиозной культуры, сохраняющейся и развивающейся и в условиях коммуникативного общества, бурного развития средств массовой информации. Религиозно-мистические мотивы, суеверия, отраженные во многих текстах, сам феномен "круговых писем" показывают силу традиционного сознания в деревенской и городской среде в середине XX в.

С одной стороны, тоска на чужбине, память о родных местах, тоска по близким, горькая память о прежней жизни, а с другой - любовь, стремление пережить тяжелые испытания, выдержать и найти свое счастье - все это находило выражение через стереотипы своеобразной народной сельской и городской культуры, сложившейся в XX в. в процессе более интенсивного (благодаря всеобщей грамотности и развитию средств массовой коммуникации), чем прежде, взаимодействия с "высокой" культурой. Эстетика писем, иногда представляющих нам яркие картинки (пример из лагерной почты: "Скучно и грустно гляжу я в окно, / как осень скрашивает все в одно, / забирает всю прелесть от лета, / а нам оставляет все раздето"), тоже проистекает большей частью именно из этой культуры. Вся душевная жизнь большинства невольников, как она отразилась в письмах остарбайтеров, окрашена ее мотивами.

"Просматривая вновь и вновь коллекцию выписок из писем остарбайтеров, - пишет К. Чистов, - мы не перестаем удивляться энергии самоутверждения лагерных рабов, их воле к сохранению памяти о родной речи, о песнях, которые пелись на родине, поражаемся их неугасимому стремлению к творчеству в самых разнообразных формах, чувству собственного достоинства, умению обойти жестокую цензуру" (С. 48). Соглашаясь с этой оценкой, мы выражаем надежду на то, что эта небольшая книжка, выпущенная совместными усилиями российских и немецких ученых, найдет свое место в исследовании истории второй мировой войны и Великой отечественной войны 1941-1945 гг., а также истории культуры той эпохи. Этому помогут приложенные к тексту книги фотодокументы - фотографии узников, повестка биржи труда с требованием явки для отправки на работу в Германию, удостоверения личности иностранных рабочих в Германии, документы о проверке в фильтрационных лагерях НКВД тех, кто вернулся из неволи, и др.

С.В. Оболенская